

Р2
П32

ВАЛЕНТИН
ЦИКУЛЬ

Миниатюры
L

P2
1732

+ 02.10.9

а-245166

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

Миниатюры

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

**ХИВА,
ОТВОРИ
ВОРОТА!**

Хлопок, шелк, виноград, чай... Хлопок завозили с плантаций Америки, шелк покупали у персов, виноград ощипывали в Массандре тонкие пальцы аристократок, а великая мать-Россия, придя в субботу из бани, гоняла с блюдца (пальцы в растопырку) чаи исключительно кяхтинские. Ну, а теперь, когда вступление сделано, приглашаю читателя в Оренбург. Веселого я там ничего не обещаю, но кое-что вспомним...

Кстати уж! Русское казачество расселялось по «кантонам» (как в Швейцарии), и потому о «кантонах» казаки рассуждали свободно:

— Жили мы, потомки стрелецкие, не тужили в кантоне самарском. А когда-сь «линию» нашу закрыли, велено переселяться в кантон оренбургский. Мы, вестимо, отлынивали. Тут тебе дома дедовски, скотинка

пасется, трава — хоть ешь ее! Опять же и Волга течет, рыбкою кормит. На што нам сдался кантон оренбургский? Тянули, тянули, да не дотянули... Грозою налетел на нас, царствие ему небесное, граф Перовский! Дал сроку три дни — бац, как из пушки! И на третий дён, чуть свет, бабы даже калачей из печек не вынули, всех нас, грешных, из Самары выставили... Теперь и попривык. Не спорю. Раздолье имеется. Тока не волжское, а степное. Поначалу-то гадко было. Сушь! Верблюды плюются, нехристи. Да-а... Дети вот — они Волги не видали, им и в Урале-реке хорошо летом брызгаться. Здеся и уродились. Оренбуржцы! Эй, Степанида, поставь самовар ради приятной беседы о житии оренбургском...

.

Из Оренбурга до столицы три недели пути, если ехать на почтовых; только выносливые фельдъегеря проскакивают до Петербурга за восемь дней — отощавшие от сухоядения, грязные и небритые, и в таком виде, даже не дав им переодеться, их сразу вели в покои к императору: «Ваше величество, вам изволит писать его превосходительство оренбургский губернатор Перовский! Вот и пакет...»

Василий Алексеевич Перовский, внук украинского свинопаса Кириллы Рóзума, фигура колоритная. В битве при Бородино Перовскому было 18 лет; французская пуля оторвала ему палец, вместо которого он позже носил длинный золотой наперсток. Обманом был взят в плен на московских форпостах. В обозе маршала Даву проделал весь долгий путь отступления «великой армии» — в одном мундирчике и даже без сапог, которые содрали с него мерзнувшие конвоиры; записки Перовского о пребывании в плену и сейчас невозможно читать без содрогания. Пешком пройдя от

Москвы до Орлеана, бежал к своим. 14 декабря 1825 года был «контужен поленом в спину» и стал флигель-адъютантом Николая I (что не делает ему чести). Но, будучи часто награждаем, царя никогда не благодарил (что делает ему честь). В 1828 году под Варной ему вырезали из груди турецкую пулю, увязнувшую близ самого сердца. Образованный человек острого ума, Перовский имел друзей — Жуковского и Карамзина; с Пушкиным был на «ты»; Брюллов дважды изображал его на портретах. Он был честолобив, как и большинство военных людей той эпохи, но славы не искал. При жизни были опубликованы лишь его «Письма из Италии», да и то их напечатал Жуковский, желая сделать другу приятное. Николай I неизменно к Перовскому благоволил. В 1833 году Василий Алексеевич заступил на пост оренбургского губернатора; здесь он принимал в своем доме Пушкина, собиравшего материалы о Пугачеве (Бердская слобода, столица всей «пугачевщины», находилась в семи верстах от Оренбурга). Данилевский вывел Перовского в романе «Сожженная Москва»; Лев Толстой хотел сделать Перовского одним из героев своего незавершенного романа «Декабристы». При засилии в столице Адлербергов, Нессельроде, Бенкендорфов, Дубельтов и Клейнмихелей такие люди, как Перовский, стремились бежать подальше от холопской камарильи двора, старались служить на окраинах империи...

Оренбург был форпостом — твердынею наших рубежей близ пустыни. Население — казаки с голубыми кушаками «уральцев», башкиры в островерхих шапках, военные, их семьи, переселенцы, чиновники, купцы, беглые, солдаты, ссыльные и преступники. А на «меновом дворе» караван-сарая ложатся в горячую пыль верблюды, проделавшие путь от Самарканда, Бухары, Герата и Хивы; из Оренбурга они увозят полосы желе-

за и меди, ткани и гвозди, посуду и доски. Жизнь тут сытная, мяса и хлеба вдосталь, но зато тревожная: кордоны, пикеты, разъезды вдоль симы — границы, лай собак по ночам, ржанье конницы, улетающей в степные бураны ловить барантчей — разбойников. Кочевник и есть кочевник: ему не вручишь ноту протеста, с ним не подпишешь трактата о мире. Наказывать кочевника за разбой — то же, что бить лакея за провинность его господина. Ибо за все преступления должна бы отвечать высокомерная Хива, но до хивинского хана Алла-Кулла никак не добраться: 1500 верст безжизненных песков стерегли Хиву лучше крепостей, а жара и безводье были главным оружием хана. И Хива богатели от грабежа на караванных тропах, Хива насыщалась трудами пленных рабов, Хива благодарила аллаха за то, что пустыни оградили ее от мщения «неверных» урусов... Даже когда Россия не воевала, жители Оренбуржья постоянно ощущали близость «фронта», а их семьи оплакивали потери. То здесь, то там слышишь причитания осиротевших — кого-то опять схватили в степи и погнали в Хиву на базар, как скотину. Попробуй сыщи кормильца: из Хивы его продали в Коканд, оттуда — в Турцию, а там и затерялись следы... Тяжко! Недаром оренбуржцы, взлелеяв в сердцах отмщение подлой Хиве, распевали по праздникам:

Мы избавим от неволи
Своих братьев-земляков,
Закричим мы враз «ура» —
Тут погибнет вся Хива...

Петербург отпускал на выкуп из Хивы ежегодно по 3000 рублей чистым золотом, но этого мало: выкупишь кожемяку Ивача Козлятина, а чем, спраши-

вается, урядник Степан Худояров хуже того Ивашки?.. Перовский не одну ночь провел над изучением путей в Хиву.

— Оренбургу и степям приаральским в покое не бывать, пока не взломаем ворота Хивы и не нанесем визит хану в его же серале. Надобно разрушить вредный миф о недосыгаемости Хивинского оазиса.

Клин вышибают клином, и Перовский велел не выпускать из Оренбурга хивинские караваны, а на товары хана наложить арест.

— Так будет до тех пор, — сказал он в гневе, — пока хан Алла-Кулла не выпустит из неволи русских людей...

Поддействовало! Хан отпустил двадцать пять рабов, и они пришли на родину с караваном бухарцев. Но к обеденному столу, накрытому для них в доме губернатора, трех мучеников несли на руках, столь были измождены, а одному пленнику было уже сто двадцать лет. Коварный хан попросту избавился от рабов, уже истощивших свои силы на хивинской каторге, и Перовский уверился в своем дерзком замысле:

— Хана мы навестим с пушками, а когда солдат российский гаркнет: «Хива, отвори ворота!» — тогда вся история Средней Азии войдет в иное и благородное русло...

Загодя сушили сухари, свеклу, картошку, лук и морковку; на окраине города пыхтела паром машина для прессования сена во вяучные пакеты... Готовились! Но Петербург экспедицию на Хиву не одобрял: министр финансов Канкрин плакался, что нет в казне денег; канцлер Нессельроде толковал, что Англия имеет в Средней Азии «свои интересы» и она «может обидеться»; военный министр Чернышев, сиятельный тунядец, заявлял, что Перовский — фантазер, а его

дружба с поэтами не приведет ни к чему хорошему. Василий Алексеевич велел готовить себе карету, но (верный любви к седлу) он проскакал до самого Петербурга верхом, будто курьер.

На придворном балу к нему подошел Николай I:

— О Перовский! Ты приехал, наверное, потанцевать?

— Нет! Туркмены, подвластные хану хивинскому, нынче захватили астраханских рыбаков на Каспийском море, взяли четырехпушечный бот с командой, арканами переловили в степи тамбовских баб и мужиков, прибывших к нам на заработки... Доколе же, спрашиваю я, станем мы терпеть злодейства хивинских деспотов?

Первым делом экспедицию строго засекретили. А дорога на Амударью была загадочна, карты сбивчивы, и был неясен главный вопрос: когда выступать — по весне или по осени? Генерал Станислав Циолковский, местный старожил, настаивал на осеннем походе:

— В этом случае мы избегнем изнуряющей жары и безводья, ибо, оттаивая снег в пути, мы вполне обеспечим экспедицию водою.

— Но при этом, — заявлял генерал Платон Роковский, — вы попадете в ледяную пустыню, а топлива там нет; первыми падут верблюды, кои ни сена, ни овса не едят, а доставать бурьян из-под снега они природою не приспособлены... Верблюд — это вам, господа, не лошадь, а лошадь, увы, еще не верблюд!

Но раскаленная жаровня Каракумов казалась страшнее холода, и 14 ноября 1839 года хивинская экспедиция (подкрепленная суммой в 1 698 000 рублей) тронулась в путь. Участник похода Егор Косырев писал, что воинов всячески утепляли: «К ворот-

нику шинели пристегивались накладные воротники из заячьего меха, обшитые снаружи красным сукном, а для предохранения лица от мороза шились из черного сукна маски с отверстиями для рта и глаз; на масках, чтобы сохранить человеческое подобие, были нашиты суконные носы... Солдат терял людской облик и походил на черта с лубочной картинки, а весь отряд имел вид легиона бесов, явившихся из преисподней!» Помимо конницы гужевую роль исполняли 12 500 верблюдов, влачивших артиллерию и станки для запуска боевых ракет, гальваномины для подрыва хивинских ворот, понтоны и челны, разборные кибитки, санитарные фуры, складные кровати для офицеров, мешки с овсом, бочки с медом, ящики с консервами, черные плитки сухого бульона — и много-много еще такого, чего никогда бы с собой не брали, знай только, чем все это кончится!

.

Пустыня, казалось, только и ждала, когда русские проникнут в ее пределы... Снегу выпало по колено, а потом грянул мороз в двадцать шесть градусов при жесточайшем ветре. Ночью ездовые лошади опрокинули коновязь и панически умчались вдаль, повинувшись дикому инстинкту спасения. Перовский наказал менять караульных каждый час, но карманные часы были такая редкость (даже у офицеров), что смена караулов была хаотичной. Утром многих часовых потащили в фургоны, там уже зыкали пилы, ампутируя отмороженные руки и ноги...

— На што сапоги, на што шинели! — жаловались ветераны. — Нам бы валенки да тулупы... Эх, отцы-командиры: нас не спросят!

Декабрь закружил армию в метелях. Мороз поджимал к сорока градусам; верблюды изрезали ноги

об изломы твердого наста и — падали, падали, падали. Из их вьюков ветер разметывал по снегу муку и порох. Водку для обогрева замерзших не взяли, а машина для варки на походе горячего сбитня стояла холодной — нечем было ее топить. Чтобы вскипятить чайник воды, солдаты жгли веревки и упряжь. Вокруг — ни кустика! Перовский разрешил пустить на топливо все, что может гореть. Казаки разрывали толщу снегов, добираясь до замерзших кореньев, из которых и разводили костерки. Не было сил раскинуть на бивуаке кибитку. Навьючка верблюдов началась в два часа ночи, чтобы успеть к выступлению на рассвете, а спать ложились после развьючки, близко к полуночи, но каждые полчаса люди вскакивали, чтобы не заоченеть, и, таким образом, ко всем тягостям прибавилась хроническая бессоница пяти тысяч воинов. Опытные ветераны предчувствовали, что идут на верную гибель; говорили они так:

— Уж я и не знаю теперь, что лучше — жара или стужа?

По ночам палили фальшвейеры, чтобы отпугнуть стаи волков, которые разгребали сугробы могил, поедая погребенных. Казаки уральские поражали своей выносливостью, башкирское войско держалось превосходно, зато погонщики верблюдов, казахи и туркмены, разбегались. Перовский мрачнел все больше. Кто же мог предвидеть такую лютую зиму, какой в этих краях не помнят даже древние старики киргизы! В оазисах вымерзла вся виноградная лоза, погибло поголовье ягнят, в караван-сараях пали молодые верблюды, а в Хиве сам хан лязгал зубами в своем гареме.

Первой повымерла конница Уфимского эскадрона, составлявшего как бы личную гвардию губернатора. Остался только трубач на любимой кобыле Пене —

белой и гордой красавице. Но и Пена слегла! Страшную сцену рисует нам очевидец. Кобылу обступили солдаты. Трубач постелил возле ее морды чистое полотно и насыпал на него отборного овса. Но лошадь отвернулась, а из глаз ее покатились слезы. Трубач встал перед ней на колени, он нижайше поклонился ей в землю и зарыдал, как ребенок:

— На кого ж ты меня спокидаешь... родненькая моя!

В тот же день умер и сам трубач. Верблюды выплевывали овес, не принимая его, но голод их был столь велик, что они сжевали все рогожные циновки, заменявшие им попоны. Мясо солдаты получали исправно, но костерок горел не жарче фитиля, в котелке не успевала забулькать вода, и мясо съедали почти сырым. Заболевших отправляли в фургоны, а оттуда, как говорили, «на выписку» — прямо под снег, в сугробы... Через тридцать четыре дня вышли к Эмбе! Итак, *треть* пути преодолена. Осталось еще тысяча верст, и тогда они крикнут: «Хива, отвори ворота!» Герои больше всего напоминали страдальцев, и страдания людские приравнивались к геройству. В утреннем полумраке рассвета солдаты видели Перовского — голова низко опущена на грудь, из-под заиндевелого башлыка торчал острый нос да сосульками свисали длинные усы... Он продержал экспедицию на Эмбе две недели, чтобы люди откормились ржаным хлебом, какого не видели от самого Оренбурга, чтобы составить обратный обоз с ранеными. Он вел отряд по картам, небрежно составленным полковником фон Бергом, который клялся ему в Петербурге, что за Эмбой они не увидят ни единой снежинки. Но казаки, посланные в разведку, вернулись обратно и сказали, что за Эмбой снегу еще больше — по пояс!

— Виноват во всем буду я, — отвечал Перов-

ский. — И я виноват конечно. Виноват в том, что поверил фальшивым картам фон Берга и не послушался советов генерала Рокосовского...

На Эмбе был форт: солдаты поочередно грелись в землянках, лошади подъели запасы сена, уцелевшие верблюды радовались колючкам бурьяна. Перовский решал за всех, куда следовать — вперед на 1000 верст — до Хивы или назад на 500 верст — до Оренбурга? Здесь, на Эмбе, его навестили дружественные киргизы орды султана Айчувакова, и — большое им спасибо! — они пригнали своих верблюдов. Был срочно составлен отдельный караван, чтобы дойти до форпоста Ак-Булак, где наш гарнизон, самый отдаленный, вымирал от цинги и дурной воды (недавно акбулакцы отбили жестокое нападение хивинцев, и там полно было раненых). Перовский нагнал эту колонну в пути, отыскав ее по трупам павших верблюдов и лошадей. Через полмесяца, похоронив в снегу половину солдат, колонна вышла к укреплению Ак-Булак; отсюда до Хивы было еще безумно далеко, а сам Оренбург с его теплыми печами, с трактирами и казармами отодвинулся от них еще дальше. Ак-Булак встретил их кладбищенской тишиной: глинобитная стенка, брустверы из льда, обрызганные кровью, молчаливые сугробы землянок, множество могильных крестов, а люди в гарнизоне ходить уже не могли и ползали по снегу — именно здесь был крайний рубеж российской границы! На этом трагическом рубеже в груди Перовского открылась рана, полученная под Варной от турецких стрелков. Он велел писать приказ об отступлении. В землянках были оставлены гальваномины, и, когда колонна покинула Ак-Булак, безлюдье пустыни огласили мощные взрывы, уничтожившие брустверы, а заодно повалившие солдатские кресты на погосте...

Вернувшись к фортам Эмбы, Перовский отправил в Петербург донесение о том, что поход на Хиву закончился неудачей.

— Теперь, — сказал он офицерам, — надо спасти живых и вытащить с Эмбы всю нашу артиллерию, но... как вытащить, господа?

И опять на помощь русской армии пришли киргизы Айчувакова, пригнавшие для нужд экспедиции тысячу своих последних верблюдов. Но этого было мало! Артиллерию со здоровыми людьми решили оставить на Эмбе, а всех больных везти на оренбургские «квартиры». Верблюдов батовали в тройки, как лошадей, впрягали их в повозки, на которые навалом складывали больных. Перовский велел посадить в сани и усачей ветеранов, которые в молодости брали Париж.

— Париж-то мы взяли, — говорили старики, — а вот Хивка эта поганая не дается. Погода, вишь ты, здесь другая! Там виноград и здесь виноград, но погода, братец, никуда не годится... Ну, ладно! Ишо дадим хану полизать с шила нашей вкусной патоки...

Долго тянулись в безлюдье обозы. Наконец пустыня сменилась степью, из-под снега выторкнулись тощие голики кустиков.

— Слава богу, — крестились ветераны. — Вот и розги объявились, а то ведь раньше такая голь, что смотреть не на что...

А вскоре увидели они избы, идущих с коромыслами баб в тулупчиках, детишек, что катались с гор на козлиных шкурах, — это была казачья станица Ильинская. Перовского здесь поджидал тарантас.

— Гони... домой! — сказал он, упав на диваны. Покинув Оренбург 14 ноября 1839 года, губернатор вернулся 14 апреля 1840 года: хивинская эпопея взяла ровно пять месяцев, почти полгода

неслыханных страданий. Я рассказал лишь ничтожную толику из тех бедствий, которые выпали на долю российских воинов!

.

Отъезжая в Петербург, Василий Алексеевич отдал распоряжение к подготовке *нового* похода на Хиву.

— Теперь пойдем весной, — сказал он. — Нет таких ворот, которые не раскрылись бы перед нашим солдатом...

Военный министр граф Чернышев встретил его словами:

— Ну, Перовский, ты приехал оправдываться?

— Приехал, дабы утвердить план нового похода на Хиву.

— Ты уверен, Перовский, что блистательному царствованию нашего мудрого государя недостаточно одного позорного похода, и ты желаешь опозорить его величество вторично?..

Было очень жаркое лето в столице, Николай I отдыхал от русских дел на курортах Эмса, а Перовского, как неудачника, придворные старательно избегали. Поджидая царя, Перовский проводил вечера в кругу петербургских литераторов. Наконец император вернулся из Эмса, и Чернышев велел Перовскому быть завтра в Михайловском манеже. Василий Алексеевич надел мундир атамана казачьих войск, украсил грудь завитком аксельбанта, нацепил все ордена. Явившись в манеж, он подчеркнуто-нароচিতо не пожелал стоять в группе придворных и разгуливал поодаль от них.

— Перовский, не нарушай общего благочиния, — велел министр, но Василий Алексеевич даже не обернулся на этот возглас...

В манеж прибыл император Николай I.

— А-а, здесь и Перовский! — воскликнул он. — Вот не ожидал я тебя видеть... Ну, рассказывай.

Василий Алексеевич достал длинный список имен.

— Что это у тебя за реестр?

— Прошу утвердить награждение всех участников несчастной экспедиции, кроме меня! Поверьте, любой кашевар достоин «Георгия», и прошу указать министру, дабы больных для поправления здоровья на казенный счет отправили из Оренбурга в сытые провинции с умеренным климатом... в Ярославскую или, скажем, в Вологодскую!

Николай I величаво развернулся к Чернышеву:

— К исполнению! А чего ты, Перовский, хочешь для себя?

— Желаю проделать поход вторично и сбить ворота Хивы с ржавых петель, смазанных кровью рабов славянских и персидских...

Чернышев сразу же вмешался в разговор:

— Не позорь нашу армию и дальше, Перовский!

Ступая по мягкому песку манежа, к ним неслышно приблизился горбоносый карлик Нессельроде, который с ужасным еврейско-немецким акцентом сделал Перовскому «политический» выговор:

— Вы, генерал, произвели уже все, чтобы Россия потеряла в Хиве остатки авторитета могучей воинской державы. Хива — ладно, нам до ее пустынь нет никакого дела, но... что скажет Англия? Британский лев уже рассержен вами, а это... Не скрою, это — опасно!

— Ладно, Перовский, — сказал Николай I, беря его за локоть и отводя в сторону. — Я дам тебе денег. Сколько хочешь. Оставь Оренбург и поезжай за границу. Ты сам жаловался на больную грудь...

Хотя экспедиция на Хиву была строго засекрече-

на, англичане пронюхали о ее целях. Оказывается, пока русские шли на Хиву со стороны Оренбурга, англичане тоже двигались на Хиву — от Афганистана. Обеспокоенные действиями Перовского, британцы уговаривали хана не раздражать впредь русских понапрасну, иначе они повадятся ходить на Хиву до тех пор, пока не разворотят его престол. Хан выслушал английских послов, но кто они такие и чего ради беспокоятся о его светлости, он так и не понял! Хивинский историк Агахи записал, что «англичане — это одно из русских племен (!), живущее к северу от России» (!), и прибыли они в Хиву лишь затем, чтобы «выразить свою преданность его величеству хану». Дикость несусветная!

В литературе есть указание, что англичане сами уплатили хану выкуп за русских пленных, иначе хан не соглашался отпустить их из рабства. Англичанам было выгодно, чтобы хан на время присмирел в своем оазисе. Ворота Хивы раскрылись — вышел из них караван с русскими невольниками. В далекий путь на родину им выдали от щедрот хана по верблюду и по мешку муки на двух человек. Известие об этом караване произвело в Оренбурге небывалое волнение: жители города строили павильон для почетной встречи, всюду жарили, пекли и парили угощение, заходя все горожане вышли в степь... Очевидец встречи пишет: «Их били в Хиве кнутами, держали в клоповниках без пищи, оставляя на произвол ужасным насекомым. Глубокие шрамы на плечах и спине свидетельствовали об истязаниях несчастных. Некоторые были уже с выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не могли видеть ее, а только рыдали. Измученные, с безжалостно оскорбленной честью женщины были ужасны! Душа кипела от мщением...» Было тут много слез, радости и трагизма. Одна старуха

в изможденном старце узнала своего мужа, который молодым и красивым унтер-офицером запропал в рабстве хивинском. Пожилая казачка, пригорюнясь, долго смотрела на рослого мужчину в мусульманской чалме, не умевшего говорить по-русски, и вдруг кинулась к нему с воплем:

— Тимошенька! Да это ж ведь ты... — Мать узнала своего сына, похищенного из столицы Ильинской еще маленьким ребенком.

Как это ни странно, хивинская экспедиция все-таки достигла главной своей цели: Хива малость притихла, казачата уже не боялись играть на околицах станиц, через песчаные барханы плыли в зное русские караваны с товарами нижегородской и ирбитской ярмарок; на тюках с русскими цветастыми ситцами сидели brave ребята-приказчики и, держа на коленях готовые к бою нарезные штуцеры, поглядывали в душное безлюдье...

Оренбургом после Перовского управлял замечательный человек, генерал-лейтенант Владимир Афанасьевич Обручев, потомство которого прославлено в нашей советской науке. Скромник, в жару и в холод не вылезавший из солдатской шинели, Обручев Хиву не беспокоил — он с умом окружал ее крепости на реке Тургае (ныне город Тургай), на реке Иргизе (ныне город Иргиз). В 1848 году русские как следует взялись за научное освоение Аральского моря; экспедицию возглавлял знаменитый мореплаватель А. И. Бутаков, в работе гидрографов участвовал и ссыльный поэт Тарас Шевченко. Нарушив инструкции канцлера Нессельроде, моряки дерзко вошли в пределы Хивинского ханства и произвели промеры амударьинского устья, а на случай дипломатических осложнений у Бутакова была припасена хорошая отговорка: мол, дули противные ветры!

Шли годы... Перовский проживал в столице, заседал в Государственном совете, где особой активности не проявлял, вроде скучая. Внешне он сильно изменился. Когда-то жгучий красавец, от которого женщины были без ума, теперь он превратился в жилистого старика с седой шапкой волос. Ходил с палкой, часто хандрил. Только близкие ему люди знали, что Перовский душою по-прежнему весь в делах Востока, и прежний пыл не угас в этом суровом сановнике империи, который иногда, тряхнув стариной, еще умудрялся гнуть в пальцах рублевки, разгибал подковы.

Весною 1851 года Оренбург был извещен о скором приезде нового генерал-губернатора. Губернатор — новый, да имя у него старое — Перовский! Местные власти готовили ему торжественный въезд в степную столицу. На дорогах расставили «махальщиков», чтобы не прохлопать приближения кареты Перовского. Наконец из степи прискакали гонцы: «Едет... пылица валит!» К заставе подкатила карета с зеркальными окнами и гербами. Осанистые старики казаки в длиннополых кафтанах, опоясанных голубыми кушаками, вышли с хлебом-солью. Вице-губернатор Ханыков приоткрыл дверцу кареты, а там, внутри ее, под зудение мух, безмятежно дрыхнул... лакей.

— А где же его высокопревосходительство?

— Василь Алексеич-то? — спросил тот, потягиваясь. — А шут его знае... За Бузулуком взял у казака лошадь, сел и поскакал!

— Куда поскакал?

— Да я не спрашивал... К вам, наверное!

Начальство кинулось к губернаторскому дому: Перовский возлежал на диване в халате из китайского шелка, с длинным турецким чубуком в зубах; на

низеньком персидском столике лежали сложенные в столбик червонцы; золотым наперстком, укрывавшим отсутствие пальца, Перовский со звоном обрушил один столбик монет:

— Вот это надо отдать казаку, у которого я взял кобылу за Бузулуком. Гнал ее, не жалеючи. Ночью въехал в Оренбург, провел ей по шее ладонью — ни потинки! Просто удивительно... Эту лошадь накройте под мой вальтрап. Надеюсь, она довезет меня до Хивы...

В этом же году консилиум врачей приговорил Перовского к смерти: старая рана в груди не зажиwała.

— Сколько мне осталось жить на белом свете? — спросил он.

— Год, — сказали врачи, переглянувшись.

— Хорошо! В таком случае я успею...

Врачи ошиблись на целых шесть лет. В степной глуши Перовский окружал себя писателями и учеными, открывал для казаков школы, в Оренбурге устроил публичную библиотеку, разбивал тенистые кущи садов и бульваров...

А теперь, читатель, мы обратимся к политике.

Фридрих Энгельс писал: «Вопрос о возможном столкновении двух великих азиатских держав, России и Англии, где-нибудь на полпути между Сибирью и Индией... часто обсуждался с тех пор, как в 1839 году Англия и Россия одновременно отправили свои армии в Среднюю Азию». Имя генерала В. А. Перовского было хорошо известно Марксу и Энгельсу, и они отмечали его неукротимую энергию в естественном для всех русских людей стремлении против Хивы!

В 1839 году Перовский не покорил Хиву, но в этом году англичане вторглись в Афганистан и расставили батареи на улицах Кабула. Перовский был возмущен этой наглостью:

— Что надобно им близ наших рубежей? Гляньте на карту: где Афганистан и где Англия? От Лондона до Кабула так же далеко, как от Петербурга до Сиднея, но мы же не залезаем к ним в Австралию...

И каждый раз, когда в каракумских барханах мелькало острие русского штыка, газеты Англии издавали вопль на весь мир: караул, Россия идет на Индию! Но потихоньку Лондон при этом одаривал сатрапов Бухары, Коканда и Хивы: когда — военными советниками, когда — батареями новейших пушек. Русские купцы с удивлением наблюдали за маневрами кашгарской и кокандской артиллерии, которая повиновалась командам на... английском языке. В пустынях образовался политический вакуум, таящий в себе угрозу взрыва.

— Россия и без Хивы и без Коканда страна достаточно большая, — рассуждал Перовский в кругу друзей, — и речь завожу не о завоевании земель новых, а лишь о будущем *твердых границ* России...

«Британский лорд свободой горд» уже хозяйничал в Азии по большой колониальной дуге — от Тегерана до Пекина. Вопрос ставился в XIX веке так: или мы закрепим свои рубежи на Кушке, или Англия с горных высот Афганистана прольет свои вездесущие армии в цветущие долины Ферганы, выставит пушки в устье Амударьи, образуя границу с Россией в степях Оренбуржья.

Этого допустить было никак нельзя!..

Вскоре на Аральское море доставили в разобранном виде первый пароход — «ПЕРОВСКИЙ», с которого и зародилась Аральская военная флотилия,

верная помощница армии. Перовский на этот раз был осмотрительнее, действовал наверняка. Хива пока додремывала свои последние сны — удар был нанесен по соседнему с нею Кокандскому ханству! Из устья Сырдарьи войска пошли вверх по течению, и кокандцы бежали, спеша укрыться в крепости Ак-Мечеть, стены которой имели толщину в пять сажен. Хивинский хан увидел, как ловко русские бьют его вассала, хана кокандского, и прислал к Перовскому посла, который начистоту выложил, что хан хивинский согласен *отныне* платить Оренбургу *любую дань*.

— Какая дань? — закричал на посла Перовский. — Или вы в Хиве потеряли счет времени? Сейчас на дворе век девятнадцатый, и нам ваша доисторическая дань не нужна... Эй, вывести посла прочь!

Русские солдаты пошли на штурм Ак-Мечети и за двадцать минут овладели кокандской твердыней, которая получила новое название: «Форт Перовский» (позже город Перовск). Россия прочно укрепилась на Сырдарье, и наступил закат Кокандского ханства, на обломках которого позже расцвела богатая Ферганская область...

Перовский за взятие Ак-Мечети получил титул графа.

Но каждой жизни есть предел, и он ощутил этот предел сам — в 1857 году, уже без консилиума врачей.

Отставка была получена, лошади поданы к подъезду.

— Прости-прощай, Оренбург... на этот раз — навсегда!

Издавна он имел особую «слабость» к башкирам, которые платили ему ответной любовью, и когда он покидал Оренбург, башкирские джигиты долго-долго

скакали вровень с его коляской, сминая копытами сочные травы степей, ударами нагаек срубая, как шашками, пышные и яркие гроздья диких магнолий. Но вот угасла пыль в отдалении — башкиры придерживали усталых коней:

— Малатса Васил Ляксеич! Такуй добра душа ни будит болша... Ай, какая была малатса! Помирал бы с нами — зачем уехал?

И долго еще в трактирах Оренбурга машинные органчики наигрывали башкирский «Пиравский марш», сложенный в память о злосчастном походе на Хиву. Потом органчики поломались, старики, помнившие мотив марша, повымерли в дальних улусах, и не забылся только граф Перовский...

Он всю жизнь не имел своего угла и, покинув Оренбург, попросил убежища в Алупке графов Воронцовых. Лежа на смертном одре, Перовский «громко перебирал свое прошедшее, не щадя себя и не прощая себе ничего!» 8 декабря 1857 года он скончался. Близ Севастополя, в высившейся над морем скале была высечена пещера, и в эту пещеру задвинули гроб с прахом Перовского; он и поныне лежит в этой скале, о которую с грохотом разбиваются волны Черного моря.

...Знаменитая революционерка Софья Перовская была внучкою его старшего брата, иначе говоря, она приходилась Василию Алексеевичу внучатой племянницей.

Времена Перовских кончились — настали времена Скобелевых.

Прошло всего тридцать четыре года после первого похода на Хиву, и русской армии было не узнать: освоилась в пустынных боях! Но теперь и сами хивинцы призывали Россию на помощь, желая принять

русское подданство, чтобы не зависеть от произвола кровожадных ханов...

Русская армия взломала ворота, ведущие в Хиву, и белые гимнастерки солдат появились на узких зловонных улицах. Победителями командовал опытный туркестанский полководец — К. П. Кауфман.

2 июня 1873 года под могучими вязами хивинского серая был раскинут текинский ковер, посреди ковра поставили колченогий венский стул, на который Кауфман и уселся — по чину генерала, а по бокам от него стояли наши солдаты в белых тропических шлемах с длинными назатыльниками, спадавшими на плечи.

Заслышав топот копыт, Константин Петрович сказал:

— Господа офицеры, внимание... Поздравляю всех: сейчас для России наступает долгожданный исторический момент...

Топот копыт приближался. На садовой дорожке показался хивинский хан — семипудовый ленивец, верный муж двухсот восемнадцати жен, завернутый слугами в ярко-синий халат. Он слез с лошади и, обнажив бритую голову, на коленях стал подползать к русским воинам, моля их о пощаде. Американский писатель Мак-Гахан, присутствовавший при этой сцене, не забыл отметить, что «теперь самый последний солдат русской армии был, пожалуй, намного сильнее хана». Да! На хана была наложена контрибуция в 2 000 000 рублей, а вместе с русскими рабами из неволи ханства были вызволены и 40 000 персов, томившихся в рабстве; уходя на родину, персы взывали к русским воинам: «Дозвольте, и мы оближем пыль с ваших сапог...»

Кауфман разговаривал с ханом от имени русской армии.

— Так вот, — сказал он, раскуривая «пажескую» папиросу (короткую, как ружейная гильза), — нравится вам это, хан, или не очень нравится, но мы, как видите, все-таки пришли навестить вас в «недоступной» Хиве, где вы так приятно кейфовали в благой тени своего прелестного серала...

— Такова воля аллаха, — отвечал хан в тупой покорности.

— Нет, хан! — отверг эту божественную «версию» генерал. — Аллах смеется, глядя на вас, ибо вы сами и ваша коварная политика были главной причиной нашего появления в Хиве.

Хан, не вставая с колен, еще ниже склонил голову, и ослепительное солнце пустыни било теперь прямо в толстый, как бревно, багровый затылок. Он сказал в заключение так:

— Я знаю, что поступал очень скверно по отношению к России, но... отныне я обещаю слушаться только русских начальников. Пророк предсказал, что Бухару засыплет песком, а Хива исчезнет под водой, но аллах не знал, что мне придется стоять на коленях перед вами, пришедшими из заснеженных русских лесов...

Свободно опираясь на ружья, загорелые и усаые, с презрением взирали на ханское ничтожество солдаты — ветераны Мангышлака и Каракумов, Геок-Тёпе и Красноводска (этих героев пустынь можно видеть и сейчас — в музеях страны, они смотрят на своих потомков с правдивых и красочных полотен Верещагина)!

Русский солдат не шел туда, где его не ждали.

Он шел туда, где его желали видеть как освободителя.

Он вел борьбу не с казаками, не с туркменами, не с узбеками.

В знойных пустынях русский солдат свергал престолы средневековых деспотов — ханов, султанов и беков, всю эту восточную мразь и нечисть, что осела по барханам со времен Тамерлана.

И мы не забудем своих прадедов, которые в жестоких лишениях создавали Россию как великое многонациональное государство!

